

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.18>

Ходячих Сергей Сергеевич

АВТОБИОГРАФИЯ РУДОЛЬФА ХЕССА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье анализируются автобиографические записки бывшего коменданта концентрационного лагеря Аушвиц Рудольфа Хесса, созданные в начале 1947 г., и оценивается их историческая значимость. Рассматриваются обстоятельства появления автобиографии, поднимаются вопросы подлинности и аутентичности, освещаются основные этапы жизни Хесса. Автор выделяет три ключевых линии повествования, которые прослеживаются в записках (биографическая, производственная и аналитическая), и приходит к выводу, что даже перед лицом смерти Хесс не предал идеалы национал-социализма и лишь частично признал свою вину в совершенных преступлениях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/18.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 96-102. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

31. **Kennedy P. M.** Strategic aspects of Anglo-German naval race // Kennedy P. M. Strategy and Diplomacy 1870-1945. L.: Allen and Unwin, 1983. P. 127-160.
32. **Lambert N. A.** Sir John Fisher's Revolution. Colombia: Univ. of South Carolina Press, 1999. 410 p.
33. **Lowе C. J., Dockrill M. L.** The mirage of power: in 3 vols. L. – Boston: Routledge a. K. Paul, 1972. Vol. 3. The Documents on British Foreign Policy 1902-22. 759 p.
34. **Marder A. J.** From the Dreadnought to Scapa Flow – The Royal Navy in the Fisher Era: in 5 vols. L.: Oxford University Press, 1961. Vol. 1. The road to war? 1904-1914. 429 p.
35. **Röhl J. G. C.** An der Schwelle zum Weltkrieg. Eine Dokumentation über "Kriegsrat" vom 8 Dezember 1912 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1977. № 21. S. 77-134.
36. **Steinberg J. A.** German plan for the invasion of Holland and Belgium // The War Plans of the Great Powers. 1880-1914 / ed. by P. M. Kennedy. L. – Boston: Allen & Unwin, 1979. P. 155-170.
37. **Sumida J. T.** Sir John Fisher and the Dreadnought: Sources of Naval Mythology // The Journal of Military History. 1995. № 59. P. 619-638.

**PEACEFUL RHETORIC AND PREPARATIONS FOR THE WAR:
THE GERMAN-BRITISH NAVAL RELATIONS IN MAY 1912 – JULY 1914**

Sinegubov Stanislav Nikolaevich, Doctor in History, Professor
Shilov Sergei Pavlovich, Doctor in History, Professor
P. P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (Branch) of Tyumen State University
globus_75@inbox.ru; sshilov@mail.ru

The paper analyses the German-British naval relations over the period from late May 1912 to July 1914. The authors aim to prove that after a private visit of the British War Secretary R. Haldane to Berlin on May 22, 1912 when they failed to sign the interstate agreement on the fleet, both sides formed clear intention to resolve the existed contradictions by force. In public, they stuck to peaceful rhetoric, yet it was not translated into concrete actions but served as a kind of camouflage for military preparations. This conclusion is justified by irrefutable evidence, without even mentioning the fact that on August 4, 1914, the war broke out.

Key words and phrases: Germany; Great Britain; fleet; rivalry; war.

УДК 9(94)

Дата поступления рукописи: 12.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.18>

В статье анализируются автобиографические записки бывшего коменданта концентрационного лагеря Аушвиц Рудольфа Хесса, созданные в начале 1947 г., и оценивается их историческая значимость. Рассматриваются обстоятельства появления автобиографии, поднимаются вопросы подлинности и аутентичности, освещаются основные этапы жизни Хесса. Автор выделяет три ключевых линии повествования, которые прослеживаются в записках (биографическая, производственная и аналитическая), и приходит к выводу, что даже перед лицом смерти Хесс не предал идеалы национал-социализма и лишь частично признал свою вину в совершенных преступлениях.

Ключевые слова и фразы: концентрационный лагерь Аушвиц; Рудольф Хесс; заключенные; национал-социализм; история Германии; история Польши; Вторая мировая война.

Ходячих Сергей Сергеевич, к.и.н.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва
khodyachikh@gmail.com

АВТОБИОГРАФИЯ РУДОЛЬФА ХЕССА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

После Нюрнбергского процесса, который прошел с ноября 1945 г. по октябрь 1946 г., у исследователей возник повышенный интерес к бывшим руководителям гитлеровской Германии. Психологи, юристы, социологи, историки пытались понять психологию нацистов и способы конструирования их действительности, а также изучали мотивы, которыми они руководствовались при совершении преступлений против человечества. Большим подспорьем для этих исследований стали документы личного происхождения – дневники, воспоминания, мемуары лиц из ближайшего окружения Гитлера. На западе они начали активно издаваться во второй половине XX в. [16-18; 31; 32], в России – только в 1990-2000-е гг. [2; 3; 6; 7].

Одним из нацистских преступников, оставивших воспоминания, был бывший комендант концентрационного лагеря Аушвиц Рудольф Хесс, захваченный британской полицией в марте 1946 г. на немецко-датской границе. Данная статья посвящена изучению автобиографических записок Хесса как исторического источника, их особенностей и обстоятельств появления.

В зарубежной исторической науке мемуары Хесса частично рассматривались либо в общих трудах, освещающих историю нацизма в целом, либо в специальных работах, посвященных непосредственно

Хессу [11; 13; 14; 19; 21; 25; 27; 28; 30]. В основном это предисловия к переизданиям его автобиографии. В отечественной историографии записки бывшего коменданта Аушвица еще не становились предметом самостоятельного исследования, за исключением статьи о биографии Хесса историка С. В. Аристов [1], что повышает значимость настоящей работы и актуализирует изучаемую проблему.

Цель данной статьи – проанализировать автобиографию Рудольфа Хесса, выявить ее характерные особенности и рассмотреть условия, при которых она появились на свет. Для достижения этой цели нами были поставлены следующие **задачи**: изучить биографию Хесса, поставить вопросы об аутентичности его записок, а также выделить основные линии повествования.

Через несколько дней после ареста Хесс был допрошен английской контрразведкой, передан американским войскам и доставлен в Нюрнберг, где в апреле 1946 г. выступил свидетелем по делу бывшего начальника Главного управления имперской безопасности СС Эрнста Кальтенбруннера. В середине мая Хесса допросили представители американской юстиции в связи с т.н. процессом «США против Освальда Поля» и процессом «по делу IG Farben» [20]. 25 мая 1946 г. бывший коменданта Аушвица был выдан польским властям, доставлен в Краков и помещен в тюрьму, где ждал процесса, организованного Верховным народным трибуналом Польской Республики. Сам процесс прошел в Варшаве с 11 по 29 марта 1947 г. и завершился вынесением смертного приговора. 16 апреля того же года Рудольф Хесс был повешен в Освенциме.

Во время пребывания в краковской следственной тюрьме, в ожидании процесса, Хесс написал подробную автобиографию, которая заняла 114 листов. В рукописи, озаглавленной «Моя душа. Становление, жизнь и переживания» [цит. по: 1, с. 109], описываются «внутренняя жизнь» Хесса, а также «все важные события» и «психологические высоты и глубины», через которые он прошел [12, р. 29]. Позднее мемуары были дополнены несколькими приложениями, состоящими из 34 рукописей разного объема. В них речь идет о бывших руководителях СС (Гиммлер, Мюллер, Эйхман и др.) и ряде сотрудников Аушвица. Еще одна группа записок посвящена таким темам, как «окончательное решение еврейского вопроса в концлагере Аушвице», использование труда заключенных и лагерный распорядок. Впоследствии шесть листов, в которых говорится о бывшем начальнике Главного административно-хозяйственного управления СС Освальде Поле (они представлены в приложении № 5 воспоминаний Хесса), были использованы американским военным трибуналом как материалы по делу «США против Освальда Поля» в качестве доказательств обвинения и вошли в состав Нюрнбергских документов [Ibidem, р. 248-254].

Автобиография Хесса написана на немецком языке. Впервые она была опубликована в 1951 г. варшавским издательством Министерства юстиции в VII томе бюллетеня Главной комиссии по расследованию преступлений национал-социализма в переводе на польский язык под названием «Воспоминания» (позднее неоднократно переиздавалась) [22]. Вступление к этой публикации написал профессор Станислав Батавия, известный польский криминолог, который провел с Хессом несколько многочасовых бесед. В польском, наиболее полном переиздании 1956 г. (вышло под заголовком «Мемуары Рудольфа Хесса, коменданта лагеря Освенцим») [24] содержатся не только все записки Хесса, включая автобиографию и приложения, но и прощальные письма жене и детям (позднее они были сфотографированы и отправлены в мюнхенский Институт современной истории), написанные 11 апреля 1947 г. Предисловие и комментарии были составлены известным польским юристом, членом Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше, доктором Яном Зеном.

Немецкий вариант увидел свет в 1958 г. и именно в том виде, в каком известен сегодня, – «Комендант Аушвица» [23]. С него впоследствии и был сделан английский перевод [11]. Существует и перевод на русский язык, выполненный Юрием Чижовым в 2009 г. (в электронном виде) [26], однако в России отдельной книгой мемуары Хесса не выходили, лишь фрагменты записок, посвященные его работе в Аушвице, и расуждения об «окончательном решении еврейского вопроса» [9, с. 31-125].

К написанию автобиографии бывший коменданта Аушвица приступил в январе 1947 г., когда закончилось предварительное следствие, а процесс еще не начался. У него было два месяца, чтобы собраться с мыслями и изложить на бумаге всю свою жизнь. Согласно Хессу, эти записки он сделал «добровольно и без принуждения» [12, р. 202], хотя некоторые исследователи, главным образом ревизионисты Холокоста, считают, что все показания у него были выбиты британской полицией, а сама автобиография написана под сильным давлением и пытками [15, р. 389].

Немалый интерес вызывают причины, побудившие Рудольфа Хесса написать автобиографию. В первую очередь бывший коменданта Аушвица хотел по максимуму заполнить время своего заключения умственной работой, и такая возможность ему представилась. Автор предисловия к немецкому изданию мемуаров Хесса Мартин Брозат считает, что одним из побудительных мотивов составления автобиографии стало растущее внимание к фигуре Хесса, что он ощутил еще в Нюрнберге во время выступления на процессе [26]. Он находился под пристальным наблюдением тюремного психиатра и врача, а также систематически общался с польским следователем Яном Зеном, который впоследствии подготовит обвинительный акт против бывшего коменданта Аушвица.

Не вызывает сомнений и аутентичность автобиографии Хесса. В 1956 г. была проведена экспертиза, которая подтвердила подлинность мемуаров и однозначно установила факт их написания бывшим комендантом Аушвица. Образец почерка был сверен с рукописной двухстраничной автобиографией Хесса, созданной в июне 1936 г. (включена в личное дело Хесса). В пользу аутентичности говорят и описываемые в записках события. В них изображены такие подробности, которые мог знать только человек, лично работавший в концлагере, а также руководивший его строительством. Более того, «такая осведомленность является и признаком того, что мы имеем дело с записями, сделанными добровольно, без каких-либо посторонних влияний или манипуляций» [Ibidem].

Еще один важный вопрос, возникающий при изучении автобиографии Хесса, заключается в степени открытости бывшего коменданта Аушвица. О том, что он готов сотрудничать со следствием и отвечать на все его вопросы, Хесс заявил сразу после задержания, хотя к нему и были применены методы физического воздействия [12, р. 193]. При этом, согласно польскому уголовному законодательству, он мог отказаться от всех показаний, но ни разу этой возможностью не воспользовался. Хесс добровольно пошел на сотрудничество, но при этом понимал, что его ждет неминуемая смерть. Иногда он и вовсе поражал следователей своей открытостью, а некоторые темы освещал исключительно по собственной инициативе. Едва ли им двигало тщеславие или иные психологические мотивы. Свое задержание Хесс прямо называет крахом, последовавшим за другим крахом – смертью Гитлера, поскольку «вместе с фюрером погиб и наш мир» [4, с. 215; 12, р. 190-191]. Очевидно, что, находясь в заключении, Хесс просто хотел излить душу и облегчить свои «моральные страдания», поэтому попросил бумагу и ручку и стал записывать наиболее значимые события из своей жизни и истории Германии.

После шока и ступора, которые испытал Хесс во время задержания, наступили апатия и успокоение. Он смирился с тем, что попал в руки союзников, а после того, как оказался в Польше, окончательно осознал, какая участь его ждет. Тем удивительнее кажущееся спокойствие и показное хладнокровие, которые Хесс продемонстрировал в Нюрнберге, Кракове и Варшаве. Любопытные наблюдения о психическом состоянии Хесса сделал американский психолог Густав Гилберт, привлеченный к работе международного нюрнбергского военного трибунала в качестве переводчика и психолога-эксперта. В апреле 1946 г. он неоднократно посещал камеру бывшего коменданта Аушвица и вел с ним долгие беседы. Впоследствии свои впечатления Гилберт оформил в виде дневника, который увидел свет под названием «Нюрнбергский дневник» [4]. 9 апреля 1946 г. Гилберт был у Хесса и спрашивал его о деятельности в Аушвице в период с мая 1940 г. по декабрь 1943 г. Бывший комендант самого страшного лагеря смерти в Третьем Рейхе хладнокровно подтвердил, что «под его руководством было умерщвлено приблизительно 2,5 миллиона евреев» [Там же, с. 213]. Также он подробно рассказал о методике умерщвления, временных рамках и пропускной способности крематориев. Американский психолог отмечает, что Хесс обо всем этом рассказывал «будничным, спокойным тоном» и «лишенным эмоций голосом» [Там же, с. 214], а общее впечатление Гилберта о нем было таково: «Он психически вменяем, однако обнаруживает апатию шизоидного типа, бесчувственность и явный недостаток чуткости, почти такой же, какой типичен для больных, страдающих шизофренией» [Там же, с. 222].

Хесс никогда не задумывался над моральными аспектами своих поступков, поскольку выполнял прямые приказы Гитлера и Гимmlера: «Сама мысль о том, что можно отказаться выполнить приказ, просто не могла прийти нам в голову – независимо от того, какой это был приказ». При этом он с пониманием отнесся к «расплате» над собой, под которой понимал суд и последующую казнь, хотя «и не думал, что когда-нибудь мне придется отвечать» [Там же, с. 215].

Воспоминания Хесса – документ уникальный. Это не только ценный исторический источник, значимость которого сложно переоценить, но и изложение ключевых событий мировой истории второй четверти XX в. человеком, который стал их непосредственным свидетелем. О концентрационных лагерях и истреблении евреев было многое известно и до появления записок Хесса, однако никогда раньше об этой теме не рассуждал человек, принимавший личное участие в создании самого страшного места по массовому уничтожению людей в истории. С присущей ему немецкой педантичностью и точностью бывший комендант Аушвица рассказывает о механизме умерщвления заключенных, приводит шокирующие цифры убитых, рассуждает о практике массовых убийств. Эти сведения шокировали всех еще в Нюрнберге, во время выступления Хесса на процессе по делу главных нацистских преступников, однако зафиксированные в виде текста показания стали еще большей сенсацией, особенно тот будничным и деловито-сухой тон, которым Хесс описывает свою работу.

Помимо сугубо технических деталей, Хесс обращает внимание и на психологические аспекты, рассказывая о психическом состоянии людей, выполнявших в Аушвице свои обязанности. Так, невольно вырисовывается психологический портрет убийцы, в котором проявляются черты заурядного, но при этом отягощенного чувством долга человека, исправно выполнявшего вышестоящие приказы и не задумывавшегося над последствиями своих поступков. Именно благодаря таким людям огромная система немецких концлагерей исправно работала. К подобным выводам ранее пришел и польский профессор Станислав Батавия, считавший, что в убийцу сотен тысяч людей Хесса превратили исторические события и специфическая социальная среда, в которой он оказался: «Сначала предшественники гитлеризма, а затем национал-социалистическая идеология превратили молодого Рудольфа Хесса, обладавшего глубоким нравственным чувством, в преступника беспрецедентной меры, который добросовестно следовал ложной и убийственной идеологии, в конечном итоге утонув в бездне гитлеровской преступности» [22, s. 57].

В автобиографии Хесса можно выделить три главных линии повествования. Первая – биографическая. Рассказ о своей жизни бывший комендант Аушвица строит по хронологическому принципу, начиная с детства и юности и заканчивая «крахом» 1945 г. Именно в детстве Хесса нужно искать истоки его будущих поступков, его юные годы объясняют, почему он стал именно таким, а не другим человеком. В своих записках, а ранее и в беседах с доктором Гилбертом он говорил о том, что любит одиночество и «предпочитает разбираться с ними [неприятности] наедине с собой» [4, с. 221]. «Мне всегда хватало себя самого. У меня никогда не было ни друзей, ни особенно близких приятельских отношений с кем-либо – даже в юности. У меня никогда не было друга», – сказал Хесс во время одной из встреч с Густавом Гилбертом [Там же]. Позднее он вспоминал в автобиографии: «Я стал одиночкой и никогда не был счастливее, чем когда играл или работал один и без надзора. Я не мог вынести, когда за мной кто-то наблюдал» [12, р. 30]. При этом его семья была полной, отношения

между отцом и матерью всегда оставались теплыми, «полными любви, уважения и взаимопонимания», а сам Хесс очень их уважал и относился с почтением [Ibidem, p. 33]. И если с родителями у Рудольфа проблем никогда не возникало, то с сестрами он был подчеркнуто холоден, всегда держал дистанцию, «задирали их до тех пор, пока они не бежали в слезах к моей матери», и подшучивал над ними. Они так и остались для него чужими [Ibidem].

С раннего детства Хесс воспитывался «с чувством сильного осознания долга» [Ibidem, p. 32]. Именно это качество, наряду с точностью, деловитостью и педантичностью, Рудольфу привил отец. Позднее они разовьются в желание выслужиться вышестоящему начальству и маниакальную исполнительность, с которой комендант Аушвица будет претворять в жизнь страшные приказы рейхсфюрера СС Гимmlера и станет орудием уничтожения сотен тысяч человек.

Биография Хесса вполне типична для многих немцев его поколения, которые избрали военное ремесло в качестве главного дела своей жизни. Участие в Первой мировой войне, боевые награды, вступление в добровольческие отряды, знакомство с будущими идейными лидерами Третьего Рейха, вхождение в состав НСДАП, тюремное заключение, членство в антисемитском союзе, постоянные повышения по службе – это были обычные шаги молодых и амбициозных нацистов, которые прошли долгий путь от рядовых солдат до руководителей самых разных организаций. Так, в декабре 1934 г. Хесс с семьей оказался в Дахау, где познакомился с системой организации концентрационных лагерей. За несколько лет он значительно продвинулся по служебной лестнице, став в 1939 г. шутцафлагерфюрером концлагеря Заксенхаузен. Менее чем через год Хесс был назначен комендантом и ответственным за строительство нового концлагеря в польском городе Освенцим, который с 1939 г. назывался Аушвиц. Хесс окунулся в работу с присущими ему фанатизмом и исполнительностью.

Получив в распоряжение огромный лагерный комплекс, он стал претворять в жизнь свои грандиозные идеи по организации жизни заключенных. При этом, согласно воспоминаниям Хесса, он стремился создать лагерь, существенно отличавшийся от тех, где он раньше работал. Это должно быть место со сносным содержанием и хорошим питанием, чтобы узники продуктивно работали и имели возможность отдыхать. Однако аушвицкие эсэсовцы помешали Хессу реализовать эту задумку [Ibidem, p. 109-110]. Таким образом, всю вину он перенес на других, и эта стратегия довольно часто прослеживается в его автобиографии.

Летом 1941 г. Хесс получил от рейхсфюрера СС Гимmlера приказ «подготовить в Аушвице место для массовых уничтожений и лично провести такое уничтожение», причем, по словам коменданта, он «не имел ни малейшего представления о масштабах и последствиях» этого распоряжения, хотя мотивы казались ему правильными [Ibidem, p. 160, 207-208]. В очередной раз Хесс послушно выполнил распоряжение своего начальника, и уже осенью 1941 г. первая партия заключенных, которыми оказались советские военнопленные, была уничтожена газом «Циклон Б». Позднее подобным способом были убиты более миллиона человек, главным образом, евреи. Сам Хесс заявил о двух с половиной миллионах евреев, умерщвленных в газовых камерах Аушвица, хотя и считает эту цифру «слишком большой» [5, с. 438; 12, p. 216-217].

В ноябре 1943 г. Хесс был переведен в Инспекцию концентрационных лагерей, где возглавил службу DI в Главном административно-хозяйственном управлении СС. В мае 1944 г. он вернулся в Аушвиц в новой должности, где осуществил операцию по уничтожению 430 тысяч венгерских евреев, которая вошла в историю под названием «Операция Хесс» [28, S. 164; 37, s. 118] и заняла всего 56 дней [10, p. 226-240]. Когда стало понятно, что гибель Третьего Рейха неминуема, Хесс вместе с женой и пятерыми детьми перебрался на север Германии, в Шлезвиг-Гольштейн. Там он оставил семью, а сам «под именем помощника боцмана Франца Ланга отправился на остров Зильт с приказом явиться в местную военно-морскую разведывательную школу» [12, p. 192]. Хесс прошел многочисленные проверки английских военных и получил возможность свободно вести фермерское хозяйство недалеко от городка Фленсбург. Там он провел восемь месяцев, пока не был арестован британской полицией. Так подошла к концу жизнь коменданта самой массовой «фабрики смерти» в истории.

Вторая повествовательная линия в автобиографии Рудольфа Хесса – производственная. Бывший комендант Аушвица подробно рассказывает о специфике своей работы и трудовых обязанностях своих коллег, рассуждает о концентрационных лагерях в целом, анализирует политику Третьего Рейха и приказы вышестоящего начальства. При этом он постоянно снимает с себя ответственность за массовое уничтожение заключенных концлагеря, поскольку выполнял приказы Гимmlера, который настаивал, «чтобы каждый человек исполнял свой долг и при необходимости полностью жертвовал собой» [Ibidem, p. 159]. Чувство долга, заложенное в Хесса отцом еще в раннем детстве, дало о себе знать: он все делал так, как требовал рейхсфюрер СС, ведь от этого, он искренне верил, зависела дальнейшая судьба Германии.

Хесс подробно рассказывает о системе концентрационных лагерей, принудительном труде и жизни заключенных. По его убеждению, во время войны концлагеря «стали средством достижения цели» и «должны были служить самой войне, производству боеприпасов», при этом из каждого заключенного следовало, по возможности, сделать «рабочего по созданию оружия» [Ibidem, p. 125]. Наиболее детально он разбирает порядки, царившие в Аушвице, начальником которого он был на протяжении трех с половиной лет. И эти порядки вызывали у Хесса раздражение, поскольку, согласно его словам, лагерем руководили люди с «ограниченным умом», они же научили заключенных, «как себя вести», и против такого «пассивного сопротивления» он был бессильн [Ibidem, p. 126]. Особое недоумение у Хесса вызвал приказ Гимmlера значительно расширить площадь концлагеря до ста тысяч заключенных вместо прежних тридцати тысяч, хотя в те времена лагерь, содержащий десять тысяч узников, считался «исключительно большим». Разумеется, о своем недовольстве комендант Аушвица рейхсфюреру СС ничего не сказал, но его насторожили настойчивость и непоколебимость Гимmlера.

Достаточно подробно Рудольф Хесс описывает различные категории заключенных Аушвица, разделяя их по этническому критерию. Согласно его запискам, основную массу узников концлагеря до начала 1942 г. составляли поляки, которым он уделяет несколько страниц [Ibidem, p. 126-133]. Следующей по численности была группа советских военнопленных, «нанятая на строительство лагеря в Биркенау». Их физическое состояние было ужасающим, они едва держались на ногах и «не были ни к чему способны» [Ibidem, p. 134]. Наиболее тяжелое положение возникло зимой 1941/1942 гг., из-за чего показатели смертности постоянно росли. Хесс приводит шокирующие случаи каннибализма среди советских солдат и даже описывает эпизод, когда лично увидел «одного русского, лежавшего между кучами кирпича, чье тело было вспорото, и отсутствовала печень» [Ibidem, p. 135]. Помимо поляков и русских, бывший комендант Аушвица говорит о цыганах, евреях, свидетелях Иеговы, гомосексуалистах и женщинах, составлявших отдельный контингент заключенных лагеря.

В отношении евреев Хесс занимает довольно противоречивую и циничную позицию. С одной стороны, он заявляет, что «никогда лично не ненавидел евреев», хотя и «смотрел на них как на врагов нашего народа» [Ibidem, p. 146], а с другой стороны, обвиняет их в отсутствии воли к жизни, пассивности и безучастности к внешнему миру. Именно поэтому, по его мнению, смертность среди евреев была такой высокой: у них не было такого желания выжить, как у других заключенных. Эти рассуждения полностью вписываются в нацистскую концепцию человека, которая возвышала сверхлюдей – немцев по крови – и принижала всех остальных, т.н. недочеловеков [8, с. 94].

Чтобы понять истинное отношение Хесса к евреям, необходимо вернуться на несколько месяцев назад, когда он содержался в нюрнбергской тюрьме. В одной из бесед с американским психологом Гилбертом, которая состоялась 16 апреля 1946 г., Хесс рассказал, как «пришел к воззрениям антисемитского толка». Большое влияние на его мировоззрение оказали основные труды лидеров национал-социализма Гитлера, Геббельса, Розенберга, многочисленные идеологические брошюры и учебники политической пропаганды. Поскольку во всех них утверждалось, что евреи – главные враги Германии, Хесс, «будучи старым, фанатичным национал-социалистом, принимал это как данность», как «церковные догмы», ведь «это была просто истина в последней инстанции», в которой нельзя было усомниться. «Я был абсолютно убежден, что евреи представляли собой антипод немцев, что конфликт между национал-социализмом и мировым еврейством неизбежен. И поверил я в это еще задолго до войны», – так объяснил свою позицию бывший комендант Аушвица. Поэтому, когда его вызвал рейхсфюрер СС Гиммлер и отдал прямой приказ об уничтожении тысяч евреев, Хесс сомневался недолго: «Тут уж мне ничего не оставалось, как только выполнять его» [4, с. 228-229].

Все предписания Гиммлера Хесс претворял в жизнь с «железной решимостью», при этом он часто упоминает о внутренних страданиях, которые испытывал, глядя на массовое уничтожение заключенных [12, p. 171]. Однако все его сомнения и «гуманные порывы» отходили на второй план, едва он вспоминал о долге перед государством, так как не мог предать фюрера и его идеалы. Особый цинизм и недоумение вызывают строки из воспоминаний Хесса, посвященные его семье. Все это повествуется в контексте его работы в Аушвице, а описания разворачиваются на фоне ликвидации невинных мужчин, женщин и детей: «Когда по ночам я стоял возле транспорта, газовых камер или огня, мне часто приходилось думать о жене и детях, никак не связывая их со всем, что происходило» [Ibidem, p. 173].

Несмотря «на моральные страдания», Хессу и его семье прекрасно жилось в Аушвице. Дети ни в чем не нуждались и чувствовали себя безопасно, любая прихоть коменданта или его супруги исполнялась мгновенно. На вилле Хессов располагался огромный сад с огородом, которые обслуживали несколько садовников. Более того, однажды жена Хесса Хедвиг совершенно искренне сказала про Аушвиц: «Здесь хочу жить до самой смерти» [38, s. 56]. Удивительно, но Рудольф Хесс был любящим мужем и хорошим отцом, хотя и не уделял своей семье достаточно времени в силу службы [5, с. 449; 34, s. 141-150].

Хесс пишет, что ни разу не ударил ни одного заключенного и «тем более ни одного из них не убил», поэтому ему непонятны обвинения в его адрес, связанные со «страшными пытками в Аушвице» [12, p. 198]. Об это же он ранее заявил в Нюрнберге во время беседы с американским психиатром Леоном Голденсоном [5, с. 444, 452]. Хесс был крайне удивлен, когда на процессе по его делу многие бывшие заключенные лагеря дали показания, уличающие его в убийствах, истязаниях и плохом обращении [35, s. 83; 36, s. 63-64; 40, s. 60-61], хотя некоторые узники прямо говорили о том, что Хесс действительно никого не застрелил и даже не бил, так как «имел более важное, генеральное задание, которое должен был выполнить» [9, с. 24; 39, s. 93, 99]. Он пытается быть искренним и возлагает на себя полную ответственность за все, что случилось в Аушвице, хотя тут же оговаривается, что этого требовал лагерный распорядок, поэтому цена его откровенности невысока.

В автобиографических записках Хесса присутствует еще одна линия повествования – аналитическая. Комендант Аушвица был достаточно умным человеком, способным к саморефлексии, именно поэтому его мемуары наполнены рассуждениями на самые разные темы. В них есть и философские размышления о жизни и смерти, и психологические характеристики многих людей, составлявших его коммуникативное пространство, и пространные наблюдения за природой и окружающей действительностью. В этом плане наибольший интерес представляют последние листы записок Хесса, в которых он подводит жизненные итоги и пытается критически оценить свои поступки.

По собственному признанию, Хесс был «слишком суровым и слишком твердым», но не жестоким, и даже в припадке гнева «никогда никого не обидел» [12, p. 199]. При этом бывший комендант Аушвица сетует на недостаток покоя и душевного равновесия, поэтому его воспоминания получились такими непоследовательными.

Высокопарно рассуждая о своих взлетах и падениях, Хесс признается в любви к отечеству, но при этом подчеркивает, что единственно верным мировоззрением признает национал-социализм.

Судьба была к Хессу не только жестока, но и благосклонна: он несколько раз оказывался на краю гибели, был ранен, но «всегда оставался невредимым». При этом именно судьба сыграла с ним злую шутку, не позволив совершить самоубийство, так как обе капсулы с ядом разбились. В заключение Хесс говорит о морали, а последние строки его мемуаров по-настоящему изумляют, ведь, оказывается, и у таких людей, как Рудольф Хесс, имелось сердце, хотя все видели в нем негодяя, убийцу и садиста: «Люди могут считать меня кровожадным зверем, жестоким садистом и массовым убийцей, ибо широкие массы никогда не смогут представить коменданта Аушвица в любом другом свете». Более того, «они никогда не поймут, что у него тоже есть сердце и он не был злым» [Ibidem, p. 202].

Записки Рудольфа Хесса, опубликованные через четыре года после его казни, стали настоящей сенсацией. Они неоднократно переиздавались, были переведены на несколько языков и, что удивительно, стали основой ряда художественных произведений. Уже в 1952 г. французский писатель Робер Мерль опубликовал роман «Смерть – мое ремесло» [29], написанный по мемуарам Хесса. Спустя 27 лет американский прозаик Уильям Стайрон издал роман «Выбор Софи» [33], который рассказывает историю женщины, сумевшей выжить в Аушвице. В шестой главе Стайрон касается истории создания автобиографии Хесса, о которой говорит: «Ее, безусловно, должны прочесть во всем мире... все, кто хотя бы отдаленно воздействует на сознание своих собратьев, в том числе наши любимые дети... Читая исповедь Хесса, мы понимаем, что на самом деле не имеем понятия об истинном зле» [Ibidem, p. 179].

Подведем итоги. Случай Рудольфа Хесса – пример того, как человек с абсолютно заурядными способностями, одержимый невероятным чувством долга, стал одним из олицетворений самых массовых убийств в истории человечества, хотя лично никого не убил. В этом заключается и парадокс его личности, и его внутренняя трагедия. Осознание того, что он был лишь «винтиком в колесе огромной машины уничтожения Третьего Рейха», к нему пришло всего за несколько месяцев до казни, во время пребывания в тюрьме. Несмотря на попытку переосмысления своей жизни и совершенных поступков, Хесс так и остался национал-социалистом и от своих политических пристрастий не отрекся. Частично признав вину в уничтожении евреев, он все время говорил о том, что вся ответственность в чудовищных преступлениях против человечества лежит на руководстве НСДАП, а не только на нем. Этому оправданию и посвящены автобиографические записки Хесса, в которых он не только рассказывает о своей жизни и работе, но и анализирует внутреннее состояние, в связи с чем этот документ является ценным историческим источником, позволяющим глубже понять психологию убийцы.

Список источников

1. **Аристов С. В.** «Я был совершенно нормален, выполняя задания по уничтожению». Биография Р. Хесса – коменданта Аушвица // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 105-110.
2. **Геббельс Й.** Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. 411 с.
3. **Гелен Р.** Служба. М.: Терра, 1997. 285 с.
4. **Гилберг Г.** Нюрнбергский дневник / пер. с англ. А. Л. Уткина. М.: Вече, 2012. 480 с.
5. **Голденсон Л.** Нюрнбергские интервью / пер. с англ. Б. Кобрицова. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
6. **Гудериан Х. В.** Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. 653 с.
7. **Кейтель В.** Размышления перед казнью. М.: Терра, 1998. 504 с.
8. **Макарова Л. М.** Нацистская концепция человека и методы ее реализации // Человек. 2003. № 3. С. 94-107.
9. **Освенцим в глазах СС. Гесс, Брод, Кремер** / ред. К. Смолень. Освенцим: Издательство Государственного музея в Освенциме, 1975. 310 с.
10. **Bauer Y.** Rethinking the Holocaust. New Haven: Yale University Press, 2001. 335 p.
11. **Baxter I.** Komendant Rudolf Höss tworca Auschwitz. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2011. 176 s.
12. **Commandant of Auschwitz. The Autobiography of Rudolf Hoess.** Cleveland – N. Y.: The World Publishing Company, 1959. 286 p.
13. **Commandant of Auschwitz: The Autobiography of Rudolf Hoess** / introduced by Primo Levi. Phoenix: New Ed edition, 2000. 252 p.
14. **Deselaers M.** ‘And Your Conscience Never Haunted You?’ The Life of Rudolf Hoss, Commander of Auschwitz, and the Question of His Responsibility before God and Human Beings. Auschwitz: Auschwitz-Birkenau State Museum, 2013. 415 p.
15. **Faurisson R.** How the British Obtained the Confessions of Rudolf Höss // The Journal of Historical Review. 1986. Vol. 7. № 4. P. 389-403.
16. **Gehlen R.** Der Dienst; Erinnerungen 1942-1971. Mainz: V. Hase & Koehler, 1971. 424 S.
17. **Goebbels J., Louis P.** The Goebbels Diaries, 1942-1943. N. Y.: Doubleday, 1948. 556 p.
18. **Guderian H.** Erinnerungen Eines Soldaten. 3. Aufl. Heidelberg: K. Vowinckel, 1951. 464 S.
19. **Harding T.** Hanns and Rudolf: The True Story of the German Jew Who Tracked down and Caught the Kommandant of Auschwitz. Riverside: Simon & Schuster, 2013. 368 p.
20. **Hoess R.** Affidavit concerning Auschwitz concentration camp and the operations of the concentration camp system, including the extermination of the Jews and slave labor [Электронный ресурс]. URL: <http://nuremberg.law.harvard.edu/documents/3943-affidavit-concerning-auschwitz-concentration#p.1> (дата обращения: 10.09.2019).
21. **Höss R.** Das Erbe des Kommandanten: Rudolf Höss war der Henker von Auschwitz: er war mein Grossvater: Geschichten einer schrecklichen Familie. München: Belleville, 2013. 189 S.

22. Höss R. Komendant obozu koncentracyjnego w Oświęcimiu // Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. 1951. Bd. 7. S. 1-222.
23. Höss R. Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1958. 184 S.
24. Höss R. Wspomnienia Rudolfa Hoessa, Komendanta Obozu Oświęcimskiego. Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 1956. 358 s.
25. Höss R., Paskuly S. Death Dealer: The Memoirs of the SS Kommandant at Auschwitz. N. Y.: Da Capo Press, 1996. 414 p.
26. http://samilib.ru/c/chizhow_j/new-hoess.shtml#300 (дата обращения: 03.09.2019).
27. Koop V. Rudolf Hoss Komendant obozu Auschwitz. Warszawa: Proszynski Media, 2016. 400 s.
28. Lubecka J. Der Prozess gegen Rudolf Höß. Verlauf und juristische Aspekte // Im Schatten von Nürnberg. Transnationale Ahndung von NS-Verbrechen. Berlin: Metropol Verlag, 2019. S. 157-173.
29. Merle R. La Mort est mon métier. P.: Éditions Gallimard, coll. Blanche, 1952. 328 p.
30. Nagorski A. Nazi Hunters. Riverside: Simon & Schuster, 2016. 417 p.
31. Ribbentrop J. The Ribbentrop Memoirs. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1953. 216 p.
32. Skorzeny O. Secret Missions: War Memoirs of the Most Dangerous Man in Europe. N. Y.: Dutton, 1950. 256 p.
33. Styron W. Sophie's Choice. N. Y.: Bantam, 1983. 628 p.
34. Wysinska S. Wizerunek Rudolfa Hössa jako osoby prywatnej: na podstawie akt procesowych i relacji więźniów KL Auschwitz-Birkenau // Wieki Stare i Nowe. 2013. № 5 (10). S. 137-155.
35. Zeznanie Danuty Mosiewicz-Mikusz z dnia 19 grudnia 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/99. S. 82-84.
36. Zeznanie Jana Chlebowskiego z dnia 23 października 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/99. S. 62-65.
37. Zeznanie Jana Pileckiego z dnia 9 stycznia 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/99. S. 117-118.
38. Zeznanie Stanisława Dubiela z dnia 7 sierpnia 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 51-58.
39. Zeznanie Stanisława Dubiela z dnia 15 marca 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/107. S. 77-119.
40. Zeznanie Stanisława Frankowskiego z dnia 23 lipca 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/99. S. 59-61.

RUDOLF HÖSS'S AUTOBIOGRAPHY AS A HISTORICAL SOURCE

Khodyachikh Sergei Sergeevich, Ph. D. in History

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow
khodyachikh@gmail.com

The article analyses the autobiography of the former Auschwitz concentration camp commandant Rudolf Höss written at the beginning of 1947 and evaluates its historical importance. The paper examines the history of Höss's autobiography, raises the issue of its authenticity, and describes the basic stages of Höss's life. The researcher identifies three key storylines traceable in the memoirs (biographical, occupational and analytical ones) and comes to the conclusion that even in the face of death, Höss did not betray the ideals of National Socialism and only partially admitted his guilt in the committed crimes.

Key words and phrases: concentration camp Auschwitz; Rudolf Höss; prisoners; National Socialism; history of Germany; history of Poland; The Second World War.